

Маргарита СИНКЕВИЧ: Александр Иванович, в своем фундаментальном труде «Возвращение масс» вы выстраиваете политические, экономические события, часто разорванные во времени и пространстве, в логическую цепочку, рисуете картину, поражающую сознание. Так, вы разворачиваете перед читателем подробный анализ шахматной партии под названием «карикатурная война», показывая и доказывая, что публикация в датской газете «Юланде-постен» карикатур на пророка Мухаммеда и зверское убийство в Нигерии нескольких десятков христиан — события взаимосвязанные. Вы демонстрируете ошеломляющую силу информационной войны, безграничную власть СМИ над жизнями и судьбами людей, когда в войну оказываются невольно вовлечены даже те, условно говоря, у кого нет телевизоров. Новый этап «карикатурной войны» мы наблюдали в начале прошлого года, когда после расстрела редакции «Шарли Эбдо» общество попытались разделить на «Шарли» и «не Шарли». Тысячи людей легко вовлеклись в эту авантюру. Есть ли пути преодоления политической слепоты для обычного человека или мы обречены быть беспомощными объектами манипулирования?

Александр КАЗИНЦЕВ: Если бы дело было только в слепоте, то просвещение, работа могли бы изменить ситуацию. Хотя, с другой стороны, кто же даст работать над прозрением масс. Для того и закрывают им глаза, чтобы слепоту использовать. Но речь не только об управляемости. Нельзя управлять тем, кто не хочет управления. Вот я пытался управлять сыном, а он стал математиком. Люди, которые участвовали и с той, и с другой стороны в демонстрациях, связанных с карикатурным скандалом, в демонстрациях в поддержку «Шарли», они, в общем-то, хотели участвовать в этих акциях, хотели, чтобы ими управляли. Управление сбивало их в массу. Они были готовы к действию. С одной стороны — пассионарная восточная масса, люди преимущественно бедные. Это молодежь, которая сейчас численно преобладает в мусульманских странах и в большей своей части не имеет работы. Арабские революции — это на 50 процентов безработные выпускники вузов. Они заплатили деньги, они готовились к лучшему будущему. В арабских странах к имени каждого выпускника университета добавляют «доктор». Доктор — это уважаемый человек. И вот у него нет работы. Он, как тот Буазизи, с самосожжения которого началась арабская революция в Тунисе, а потом и в других странах, толкает тележку с фруктами, полицейские опрокидывают тележку. В отчаянии он совершает самоубийство. Так начинается протест. То есть горючий материал с той стороны был.

Но и с другой стороны — среди европейских обывателей горючего материала хватало. Миграция в Европу достигла устрашающих размеров. Появились районы, заселенные в основном арабами, где действует шариатское право, куда полицейские не рискуют ходить, откуда белые жители вынуждены уезжать, теряя в цене на квартиру. А это их самое большое богатство. У самого бедного европейца 200 — 300 тысяч евро есть. Это их квартира. И лишиться, допустим, половины этой стоимости, бросив дом в предместье Парижа, Лондона или Берлина, ставшем арабским, для европейцев смерти подобно. Поэтому, когда

они поддерживали эти карикатуры в 2005-м, когда они сейчас поддерживали «Шарли Эбдо», они не о карикатурах думали, они думали о том, чтобы поставить на место арабов, от которых нет спасения в европейских городах. Как исцелить толпы, готовые к противоборству? Ведь и у тех, и у других болит по-настоящему.

М. С.: Россия сегодня оказалась в очередной информационной опале. Трактровка украинских событий в СМИ Европы и США поражает односторонностью. За рубежом Россия часто позиционируется как страна, населенная жестокими, агрессивными людьми. Миф о «красной угрозе» приобретает новые модификации. Вы видите какие-то возможности достучаться до европейско-американского обывателя? Нужно ли это вообще?

А. К.: Нужно пытаться оказывать влияние на информационные потоки. Сейчас 90 процентов информационных потоков находится в руках Запада. И прежде всего — Соединенных Штатов. Они дают информацию, выгодную Америке. Признаю, в основном это качественная пресса, она дает достаточно объективную информацию. Но даже объективная информация, если ее чуть-чуть сфокусировать, выполняет пропагандистскую функцию. Пока этому потоку противостоит только телекомпания Russia Today. И противостоит успешно. Но ведь существует масса неформальных связей. Огромное значение имеют выпускники наших университетов. Если вы ездили по тому же Арабскому Востоку или по Китаю, вы знаете, с какой трепетной любовью, намного превосходящей нашу любовь к России, относятся к нашей стране студенты, окончившие у нас учебные заведения. С ними надо работать. Их надо организовывать. Для этого должны работать в полную силу культурные центры. Они и сейчас существуют, но в законсервированном состоянии.

В прошлом году я был в Сирии. Наш культурный центр есть в Дамаске. Но его сотрудники, как мне показалось, равнодушны к своей работе. А ведь этот центр мог бы стать проводником русской политики, и не просто политики, а русского взгляда на мир. Там готовы собираться и выпускники вузов, и русские жены, которых много на Востоке. Так что нужно активно работать. К сожалению, эта работа далеко не в полной мере проводится. И в арабских странах, и в Китае, и в Прибалтике, и на Украине люди русского мира жалуются, что они брошены на произвол судьбы, что ни эти центры, ни посольства, ни консульства не работают с ними, а контактируют только с официальной властью.

И если уж идти дальше, то нынешняя трагическая ситуация на Украине — это ведь не только результат работы Запада. Хотя подрывная работа, разумеется, осуществляется и с той, и с другой стороны. Но это и результат того, что Россию там представляли такие люди, как Черномырдин и Зурабов, чуждые русским интересам, не умеющие работать с населением другой страны. Ведь это же надо умудриться довести ситуацию до такого состояния! Согласно социологическим опросам, большая часть населения Украины считала самым достойным политиком Путиным, не на своих политиков, а на него смотрела с надеждой. И как можно было потерять страну с таким настроением, дать Западу превратить ее во врага России?!

М. С.: Когда читаешь газеты, смотришь ТВ, чувствуешь острую нехватку авторов, ведущих, гостей телепередач, искренне любящих Россию. Поразительные разворачиваются иной раз дискуссии, участники которых пытаются поставить под сомнение все, что для нас свято, неоспоримо. В количественном отношении этих людей, типа вещательницы «Эха Москвы» Ксении Лариной (позволяющей себе такие суждения, как: «от слова «патриотизм» тошнит», «всем самым чудовищным в человеке мы обязаны патриотизму», «патриотизм не совместим со свободой, он убивает свободу мысли», «патриотизм крышует бездарность и пустоту, производит бездарность и пустоту»), не так много. Но они очень активны, они заполняют информационные поля, наиболее востребованные среди молодежи — Интернет и радио. Соответственно и влияние их значительно. Не считаете ли вы, что публицисты, литераторы, журналисты, обобщенно говоря, патриоты должны более активно пробиваться к зрителю, читателю, слушателю?

А. К.: Как любой сложный вопрос, этот не имеет короткого и однозначного ответа. С одной стороны, кадровая политика. Она много десятилетий в руках людей, мягко говоря, недолюбливающих Россию. Они назначают единомышленников на ключевые должности в культуре, а там уж эти назначенцы подбирают соответствующий персонал.

С другой стороны, политика подготовки кадров. Они ведь не с неба падают. Я окончил факультет журналистики Московского государственного университета. Мы там и не слышали о русских писателях! Ясен Засурский — декан факультета — приволил к нам Аксенова, Сола Доктору. Писатели были и русские, и американские, но взгляды у них одни — они сильно недолюбливали Россию.

Я был первым аспирантом кафедры критики. Сам выбрал тему диссертации «Проблема творческой личности». И эта тема стала основной для кафедры критики. Каждый год аспиранты защищались по этой теме. Но мне защититься не удалось. На предзащите известный критик Валентин Оскоцкий сказал, что эта диссертация действует на него как красная тряпка на быка. Чем же я провинился? Тем, что ссылаясь на Бахтина, на Розанова, на русских мыслителей XIX века. Это вызвало у него приступ ярости.

Готовясь к Селезневской конференции, на которую вы меня пригласили, за что я вам благодарен, я посмотрел архивные материалы и нашел выступление Оскоцкого на приеме Селезнева в члены Союза писателей. Вот примерно так же он и о Юрии Ивановиче говорил. Не за профессиональные какие-то недоработки, а именно за русское направление, за русский дух он считал невозможным принять его в Союз писателей. К счастью, в бюро критиков оказалось больше русских патриотов. Оскоцкий остался в одиночестве. А на кафедре критики МГУ преобладали его единомышленники. Защитить диссертацию я не смог. Так изгоняли одних, выдвигали других. Потом выдвинутые приходили в редакции газет, журналов, телевидения и формировали политику. Это вторая сторона.

Третья сторона. К сожалению, русские по природе своей недостаточно социальны. Мы говорим: перетерпим как-ни-

будь. Сколько раз я наблюдал в годы перестройки, как телеканалы искали комментаторов с русской позицией. Но те не жилились. Интерес к публичному комментарию сегодняшних событий у нашего брата не было. Может быть, я единственный или один из немногих людей, которые имеют вкус к такой работе.

М. С.: И в результате большая часть успешных музыкантов, журналистов, русскоязычных писателей, произведения которых активно публикуют, экранизируют, — это люди, с презрением и ненавистью относящиеся к России. Виктор Ерофеев открывает тайну зрителям «Дождя»: оказывается, люди в России очень ждали немцев как освободителей; блокада Ленинграда свидетельствует о том, что «людоедство, эта бесчеловечность, она же до сих пор и осталась, этими генами ушла в нас» (можно было бы рассматривать как чистосердечное признание, если бы писатель не подразумевал под этим «нас» весь народ-победитель). Борис Акунин по «Евроньюс» сообщает, что он «в совершенном ужасе от той авантюры, которую затевает на наших глазах Владимир Путин. <...> России придется заплатить очень дорогую цену за то, чтобы выкарабкаться из этой ситуации...». Андрей Макаревич людей, переживающих за русскоязычное население Украины, называет «идиотами» и «неучами с нестабильной психикой». Ну и так далее и тому подобное.

Но, быть может, скоро все изменится?! Ведь с недавних пор в нашей стране на государственном уровне заговорили о национальной идее, о русском характере, об исторической России... Александр Иванович, как вы оцениваете намечающуюся смену государственной политики от русофобии и космополитизма к опоре на традиционные ценности русского мира?

А. К.: Конечно, радует, что изменилась риторика. Изменилась во многом за счет обращения к наработкам патриотов, нашим статьям, нашим книгам. Но риторика должна подтверждаться делом. Если бы все эти патриотические декларации подкреплялись репортажами о создании новых заводов, которые будут создавать русскую электронику, что избавит нас от зависимости от электроники западной, китайской, если бы нам сообщали о строительстве новых электростанций, если бы рапортовали о широком строительстве, подкрепляющем идею национального суверенитета, то я бы считал, что мы движемся в правильном направлении. Но я не вижу ничего, кроме «танцев» вокруг трубы, вокруг цен на нефть. Каждый день телевидение сообщает, сколько стоит баррель нефти и насколько поднялся или упал рубль и индекс российской биржи.

Не так давно академик Сергей Глазьев, друг и автор нашего журнала, предложил разумную программу преобразований. Но эта программа осуществима только в индустриальной стране, стране, которая что-то производит, тогда опора на собственные силы реальна, а сейчас опираться-то не на что. Поэтому я сомневаюсь, что эта программа может быть реализована. Нужно прежде всего создать базу. В Советском Союзе это понимали. За короткий срок — с 1929 по 1937 год — производство увеличилось в 4 раза! Тогда как в Англии — на 24 процента, в Германии — на 16 процентов, а во Франции и вовсе упало на 17 процентов. Вот

тогда можно было проводить действительно суверенную политику. Сегодня только декларации!

Что из этого последует? Боюсь, отставание России в экономике, разочарование населения в патриотическом курсе. Будут показывать пальцем на патриотов и говорить: вот из-за вас, из-за таких, как вы, сейчас мы вынуждены испытывать такие трудности. Все это мы проходили в конце 80-х, когда рушился СССР и когда патриотизм был бранным словом. Ни тогда, ни сейчас подлинные патриоты не имели и не имеют никакого влияния на власть. Самый известный из патриотов — академик Глазьев — всего лишь помощник президента. Сразу после его принципиальной речи (которую, кстати, СМИ замолчали) Путин назначил другим помощником по экономике Ясина, злейшего врага и самого Глазьева, и того патриотического курса, который Глазьев предлагает. Видимо, чтобы уравновесить, показать, что курс Глазьева — это не курс Кремля. Игры бюрократические хорошо знакомы. А отвечать будут патриоты, и скомпрометирована будет патриотическая идея. Может быть, уже последний раз.

М. С.: А так хочется верить, что на этой патриотической риторике будет воспитано поколение, которое что-то изменит.

А. К.: Подумайте: доля России в мировом ВВП 3 процента, доля Соединенных Штатов — 22 процента, доля Европы превышает 23 процента. Мы с 3 процентами ввязываемся в экономическую битву с половиной мировой экономики. Есть надежда на Китай. Но Китай торгует с Америкой на 555 млрд. в год. Полтриллиона — колоссальная сумма! А у нас 70 млрд. И вместо того чтобы расти до 100, товарооборот России и Китая снижается, потому что, несмотря на декларации, с нашей стороны нечем торговать. Нефть и газ упали в цене, и сразу снизился товарооборот. Значит, нужно делать что-то. А если не делать, то мы просто не успеем сформировать поколение патриотически мыслящих людей.

И опять же, патриот — это деятель. Патриот — это аналитик, это человек, устремленный в будущее. Потому что сегодняшнюю ситуацию можно приукрасить, поддурманить, но изменить коренным образом невозможно. Сегодня надо закладывать те процессы, те явления, которые изменят страну в ближайшем будущем, в отдаленном будущем. Нужно думать в горизонте нескольких десятилетий. А у нас так никто не думает. Проводили социологический опрос: самый широкий горизонт руководителей предприятий — год. Дальше года никто не мыслит. Что можно создать за год? Какие вложения в завтрашний день, в будущее производство можно сделать, имея кругозор годичный?

М. С.: В «Возвращении масс» вы, характеризуя лидеров «нового типа», основными качествами их называете динамичность, неразрывную духовную и социальную связь с народом своей страны, желание и умение слушать этот народ, полемичность, способность на диалог с оппонентами (этой способности лишены лидеры США, тяготеющее к монологу), верность настоящей демократии. К таким лидерам в 2007 году вы отнесли Эво Моралеса, Александра Лукашенко, Даниэля Ортегу, Ахмадинежада... Прошедшие годы дали ли возможность пополнить этот список новыми именами?

А. К.: И, конечно, Уго Чавеса — образцового лидера нового

типа, которого многие считали престоком. Или актером, «косящим» под рубаху-парня. Но это не было игрой. То было повседневные лидеры нового типа. Он не в кабинете решает проблему. Он выносит проблему на обсуждение улицы. Кстати, у Чавеса в кабинете постоянно стояли телекамеры. И когда обсуждались важные, экономические прежде всего, вопросы, камеры включали и на всю страну транслировали заседания или же его выступления: какие дома будут строить, какие предприятия, что это даст... Это был откровенный разговор с народом. И поэтому народ его поддерживал, не смотря на экономические трудности. В судьбе Чавеса был страшный момент, когда военные совершили путч, его арестовали, заключили в тюрьму на острове. Казалось — все! Вы знаете, пока начальник начальствует, он отец родной, светоч и так далее. Как только его свергают, он становится авантюристом, дураком... Но за Чавеса народ вышел бороться. Миллионы людей тогда вышли на улицы, и их требования были услышаны военными, они испугались, вернули Чавеса в президентский дворец. Вот что такое лидер нового типа. Это лидер, опирающийся на массы, говорящий с массами откровенно и в ответ получающий энергию массы. Этой энергии хватило, чтобы противостоять пушкам, танкам, самолетам взбунтовавшейся армии.

К сожалению, тот взлет народных движений, которым отмечен конец XX — начало XXI века, пошел на спад. Некоторых устранили, как Чавеса. К сожалению, новый президент Венесуэлы не обладает той же харизмой, что Чавес. Ахмади Нежад ушел. По конституции президент Ирана может находиться у власти два срока. Эти сроки он очень активно отработал и ушел. Так что потери ощутимы, больших приобретений нет. Хотя есть движение «Пять звезд» в Италии, «Падемос» в Испании. Они выдвигают молодых лидеров, способных и стремящихся работать с улицей.

Есть еще Александр Лукашенко. В Беларуси трудное экономическое положение. И все-таки он получает поддержку большинства, потому что выходит к народу, говорит с народом, говорит честно. Я помню, он принимал нас Куняевым в президентском дворце. За ним выстроились помощники. Он, показывая на помощников, сказал нам: «Вот помощники не советовали с вами встречаться, говорят, журнал консервативный, чуть ли не антисемитский. А мне хотелось с вами встретиться, поэтому я вас пригласил». Откровенность подкупает. Привлекает к нему сердца белорусского народа.

М. С.: Вы не так давно посетили Крым. Поделитесь своими впечатлениями от поездки. Что вас поразило, обрадовало или, наоборот, разочаровало?

А. К.: Я был там сразу после воссоединения Крыма с Россией. Поразила любовь к России. Мы обделены этой любовью. Мы видим скорее обратное. В лучшем случае — настороженность, в худшем — активное неприятие России, русского человека. А в Крыму все надеялись на Россию. Это давало возможности и тайно опасности. Потому что они думали, конечно, что сейчас начнется райская жизнь. Закончилась жизнь в украинской неволе, и начинается настоящая счастливая активная жизнь. А пришли бюрократы, пришли люди с сомнительным прошлым, что характерно и для Украины, от чего они уходили, и для России, куда они пришли. Мы видели руководителя севастопольского парламента

Чалого, самого привлекательного хотя бы внешне, самого демократичного лидера «Крымской весны», и назначенного туда губернатором Меньяло. Боюсь, что их конфликт отражал не только личную неприязнь, не только столкновение бизнесов. Это столкновение пассионарного русского населения Крыма, стремившегося к России как к территории свободы, и бюрократических групп.

М. С.: На фоне общей духовно-нравственной деградации народов Украины и России духовная сила и отвага крымчан, беркутовцев, людей, поднявшихся на юго-востоке Украины, тех, кто после войсковых карательных операций на Луганщине и Донбассе, чудовищных расправ над мирными жителями в Одессе 2 мая, не побоялся выйти с протестом на улицы, омытые свежей кровью, поражают.

Захар Прилепин пишет в книге «Не чужая смута»: «В Новороссии сейчас, в настоящий момент, воюет пятнадцать тысяч ополченцев, приехавших бесплатно, на свои средства, из России». И конкретизирует: «А в Новороссии сидит и занимается вызволением пленных Симон, которого трижды выводили на расстрел, требуя, чтоб он оговорил товарища, а Симон не оговорил. И они, приставив ему ствол к голове, спускали курок. Три раза. А в Новороссию приехал нацбол Рост, у которого жена беременная, но он ей пообещал, что вернется». Откуда, по вашему мнению, взялось это русско-украинское чудо?

А. К.: Я бы не говорил о чуде применительно к этой ситуации. Все-таки, что бы ни происходило на востоке Украины, какие бы примеры стойкости, героизма там мы ни видели, ситуация с Украиной в целом не дает мажорно оценивать события. Мы потеряли дружественную страну, 40 миллионов братьев, самую длинную границу, нам предстоит сосуществование с враждебным государством, государством, которое будет рваться в НАТО и, скорее всего, вступит в НАТО, государством, которое предоставит свою территорию для баз НАТО и т. д. Это трагедия на десятилетия. Успехи, которые есть, это тактические успехи, а стратегически тут большой проигрыш.

Что касается русских пассионариев, то они всегда были. Когда в 90-е годы шла борьба за сербов в Боснии, туда ехали русские пассионарии. Когда нужно было защищать Приднестровье, туда ехали русские пассионарии. Я, с одной стороны, восхищаюсь этим. С другой стороны, я всегда сожалел, что эта русская сила, которой так немного осталось в народе, расходится за границами России. В Приднестровье — да, отстаивали честь и славу и спасли людей русских и не только русских, людей русского мира, которые жили там. А вот на защиту Белого дома сил уже не хватило. Не хватило опытных бойцов, не хватило просто числа: от тысячи до двух тысяч человек защищалось. А если бы не потери в Боснии, не потери в Приднестровье, там было бы больше русских. Защищать надо Россию. Поверьте, если будет Россия сильной, самостоятельной, экономически привлекательной, это очень важное условие, то не нужно будет бороться за клочки территорий по границам. Люди сами потянутся к нам.

Я в прошлом году был на выездном заседании «Золотого визтя» в Болгарии. И там говорили, что вот здесь идет борьба за умы восточных европейцев, за их привлечение к России. А я ска-

зал, что основная борьба разворачивается в центральной России, в деревнях центральной России. Я напомнил, что на Кубани в городе Крымске после наводнения за имущество, уничтоженное полностью, людям выплачивали 100 тысяч рублей. Я попросил присутствующих перевести эту сумму на болгарские деньги. Выяснилось, что это 3 тысячи левов. Я спросил, будет ли болгарин, чех, словак, другие восточные европейцы тянуться к стране, где все нажитое за целую жизнь не одним человеком — семьей оценивается в три тысячи левов? Конечно, нет. Когда это будет в 100 тысяч левов оцениваться, тогда болгары будут тянуться не на Запад, где каждая квартира, повторюсь, стоит 200 — 300 тысяч евро, а к России.

М. С.: Александр Иванович, вы — поэт, один из ведущих литературных критиков XX века, один из самых глубоких политических писателей, вот уже 30 лет кропотливо ведущий летопись современности — мировой и российской. Однако информация о вашей жизни и творчестве в СМИ, в Интернете очень скудна. Хотелось бы заполнить эту лакуну. Расскажите о ваших родителях, кем и какими они были, откуда вы родом, в какой атмосфере вы росли, кто оказал влияние на ваш профессиональный выбор, на ваше духовно-нравственное становление?

А. К.: Я родился в Москве и прожил всю жизнь фактически на одном месте, лишь раз переехав с улицы Правды на Ленинградский проспект — между ними, наверное, полкилометра. В детстве я ходил по аллеям Ленинградского проспекта и дальше по 1-й и 2-й Брестским улочкам, усаженным тополями. Распускались тополиные листочки, и воздух пах этим одуряющим настоем. Через Патриаршие пруды — к Новому Арбату, который тогда только строился. Представляете, какой я древний?

Теперь моя Москва разрушена до основания, а сохранившиеся уголки запружены автомобилями. На Ленинградском проспекте нечем дышать. Когда я приезжаю в другой город и мне говорят: «У нас плохой воздух», я отвечаю: «У вас прекрасный воздух! Пожили бы вы на пересечении Ленинградского проспекта и Третьего транспортного кольца».

Мои родители были технарями. Они работали в авиационной промышленности. Матушка конструктором в КБ. Отец занимал достаточно высокий пост в министерстве. Отец рисовал, а мать всю жизнь писала стихи. Именно она привела меня к В. Кожину в литературную студию, когда я был уже аспирантом Московского университета. Вадим Валерианович послушал мои либеральные рассуждения (а как же? Молодой человек всегда начинает с либеральных мыслей) и деликатно сказал мне, что два медведя в одной берлоге не уживутся. Щедро уравнял меня с собой в «медвежьем» статусе. Я понял, что мне не стоит ходить на студию. Но потом он позвал меня сам. Потому что ему было интересно работать все-таки с «медведями», а не с второстепенными авторами. Так я познакомился с Вадимом Кожинным. И больше 20 лет мы с ним тесно общались. Дружили? Я осторожно отношусь к этому слову. У меня два-три друга было в жизни. Мы с Вадимом Валериановичем были единомышленниками.

До этого я был знаком с Арсением Тарковским — поэтом, которого Кожин не любил. И он не раз пенял мне: что ж вы?

Кожин думал, что я буду перевоспитываться. Я очень много взял у Вадима Валериановича, но от своих пристрастий не откасался. Я считаю, что тот, кто легко меняет свои взгляды, потом также откажется и от нынешних. Если он стал патриотом под влиянием учителя, то появится другой учитель, и он станет либералом. Человек должен выбирать свой путь сознательно и навсегда. Так у меня и вышло.

Эти два человека сформировали мое представление о литературе. Тарковский, друг Ахматовой и Цветаевой, открыл мне поэзию Серебряного века. Пастернак он недолюбливал. Говорил: он фигурирует как подросток на велосипеде перед дачными барышнями. Еще резче о Есенине: «Поэт для таксистов». Но я все, что полезно, усваивал, а то, что расходилось с моими представлениями, принимал как чужую точку зрения. Арсений Александрович много рассказывал мне о музыке. А музыке Тарковский учился у отца Генриха Нейгауза. Это семья, которая на протяжении всего XX века давала замечательных пианистов. Известнее всех Генрих Нейгауз. Его воспитанники Рихтер, Гилельс, масса других выдающихся музыкантов. Станислав Нейгауз, его сын, тоже замечательный пианист. А Тарковский учился у бабушки Генриха Густавовича. С обидой, не прошедшей за полвека, рассказывал, что когда он брал не ту ноту, то Густав Нейгауз бил его линейкой по рукам.

А Вадим Валерианович дал мне знание патриотической мысли, русской мысли, тоже в основном Серебряного века: Розанов, Бердяев, Флоренский — багаж, без которого ни один нормальный человек не может развиваться. И, конечно, он научил меня мастерству полемики. Полемистом он был несравненным и мог победить в споре любого записного говоруна.

М. С.: Одна из главных проблем современного общества — разрушение семьи, традиционных семейных ценностей. Поделитесь секретом долголетия брака. Как вы познакомились с женой и что вас объединило на долгие годы?

А. К.: Раскрою интимную деталь. Когда мы только познакомились с Ниной, она первый раз приехала ко мне на дачу. Я позвал ее гулять. Она слегка отстала. Поспевая за мной, запнулась. И эта запинка — она на всю жизнь определила мое отношение к жене. Я был так благодарен ей за то, что она вот так потянулась за мной — всем телом, всей душой. Поверила в меня. Тогда в меня никто не верил, даже родители! Я плохо учился, писал стихи, связался с «дурной» компанией. Потом эта компания прославилась как Бронзовый век русской поэзии: Александр Сопровский, Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков. Но для родителей это были молодые пьяницы, сбившиеся с пути. Как писала Юнна Мориц, прошедшая тот же путь, о родственниках:

*Они писали почерком наклонным,
Слова от боли ставя невопад,
Что я была недавно чемпионом
Химических и физолимпиад.
Что я качусь, качусь неумолимо
И докачусь, и окачусь на дне.
И странно, что народ проходит мимо*

Таких, как я, или подобных мне.

Я тоже «катился». Но Нина взяла меня в нежные сильные руки. Сначала я ликвидировал «хвосты» и заменил двойки на тройки, потом тройки на четверки, окончил университет на пятерки.

О том, как жена верила в меня, можно судить, во-первых, по тому, что она связала судьбу с таким сомнительным человеком, а во-вторых (и это тоже очень трогает меня) она на экзаменах цитировала преподавателям Московского университета мои стихи, когда нужно было привести пример какой-то фигуры речи. Так она верила в мою поэзию.

М. С.: Вы пишете, что Ахмадинежада называли «консервативным социалистом». Насколько правомерно это определение по отношению к вам? Как вы определяете свою систему духовно-нравственных и политических воззрений? Какое место в этой системе занимают Бог и церковь?

А. К.: Я, конечно, человек левых убеждений. Я считаю, что нищий на улице — это позор для страны. Я человек левых взглядов, но не тех, которые высказывали в ЦК КПСС (собственно, они и не были, конечно, левыми), а тех, каких придерживается сейчас Ципрас в Греции, придерживался Чавес, мой любимый политик, погубленный в Венесуэле, Эво Моралес, нынешний президент Боливии. Люди, которые судьбой заслужили право на левые взгляды.

Что касается религии... В 1996 году, когда шла последняя реальная борьба за власть в России, я был доверенным лицом Геннадия Зюганова. Он выбрал меня для того, чтобы поехать вместе в Троице-Сергиеву Лавру прямо перед голосованием. Я помню, как он долго стоял перед иконой Георгия Победоносца, поражающего копьём змия. Я думаю, что он представлял себя в роли Георгия, а Ельцина в роли змия. Знаете античное выражение Тертуллиана «душа-христианка»? Даже коммунисты в какой-то момент обращаются к Богу.

М. С.: Разделяет ли ваш сын взгляды отца?

А. К.: Сын всегда отталкивается от опыта отца. Это, наверное, естественно. Особенно если отец чего-то достиг, то сын хочет самоутвердиться в какой-то другой сфере. Мой пошел в математику, учился в школе при Московском университете, окончил мехмат, работал в Академии наук. Но так как в академии платят гроши, он ушел в коммерцию. Хотя у него, конечно, есть дар слова. И мне жалко, что этот дар пропадает. Но я уважаю его за самостоятельность выбора.

М. С.: Вот уже 35 лет вы работаете в «Нашем современнике». Как бы вы определили место и роль литературного журнала вообще и «Нашего современника» в частности в общественно-политической и культурной жизни России?

А. К.: Это трагическая ситуация. Я пришел в журнал в 1981 году, и тогда слово «Нашего современника» отдавалось по всей России. Когда спустя восемь лет журнал возглавил Станислав Куняев, известный патриотический публицист Карен Раш сказал ему: «Место главного редактора «Нашего современника» по значению не меньше, чем место члена политбюро». Так и было, журнал влиял на политику. Я помню, как я проводил в 1990 году круглый стол в Думе «Патриоты и русский вопрос». Тогда собрались и Зюганов, и Бабурин, и Михаил Астафьев, и многие другие

депутаты. Слушали очень внимательно. Константинов сказал: «Да я ведь никогда и не задумывался о русском вопросе». Но мы заставили их задуматься. Они все повернули, в конце концов, на патриотические позиции, хотя и Астафьев, и Константинов были демократами изначально. Астафьев был соперником Куняева на выборах народных депутатов. А уже год спустя он внимательно слушал то, что говорят идеологи «Нашего современника». Но с тех пор и государства не стало, и этой аудитории, привыкшей слушать писателя и имеющей возможность слушать писателя.

Сейчас говоришь как будто перед пустым залом. Иногда действительно пустым! Приезжаешь на выступление: там сидят три, четыре, пять человек. Какой контраст с выступлениями моего соседа по лестничной клетке! Это врач, который как любитель занимается историей музыки. Он благоговейт перед фигурой известного дирижера и пианиста конца XIX — начала XX века, ректора Московской консерватории Сафонова. Выпустил две толстенных книги, посвященных Сафонову: рецензии, афиши — прикладной материал. Я спроста подумал: на что ж ты деньги потратил? Кто это будет читать? И ошибся! Он ездит по России, по СНГ — при консерваториях есть группы, небольшие, но активные, собирающие аудитории. Его приглашают, его выступления слушают, эти книги раскупают. Проект, казавшийся мне безумным, вполне окупается.

А я всю жизнь говорю о России. Но сейчас полуистлевшие программки концертов Сафонова привлекают людей гораздо больше, чем размышления о сегодняшнем дне России или об ее истории.

Это же чувство испытывал Распутин и говорил мне об этом. Это чувство испытывал Леонид Бородин. Он вздыхал, что это счастье, когда ты приезжаешь куда-то и выступаешь в аудитории, где хоть несколько человек читали твои произведения и задают предметные вопросы. С ними можно говорить о романах и повестях. Но в основном это, как правило, аудитории, которые впервые слышат не только названия произведений, но и имена таких авторов, как Распутин и Бородин. Выступаешь иногда по часу, если это сольное выступление. Вот, кажется, что эти сырые дрова разогрелись, сейчас дымок пойдет, возгорится пламя, но заканчивается встреча. Первая и последняя! Огонь так и не разгорелся.

Я два года ничего не писал именно потому, что потерял ощущение читателя. Раньше я шел в аудиторию и знал, что у меня есть не многочисленный, но читатель, я знал, чего он хочет, как с ним разговаривать. Сейчас я не знаю, есть ли он, и главное — как с ним говорить и о чем с ним говорить, что ему интересно.

Вы знаете, принято приукрашивать ответы. «Мажор» хотя бы в конце включают. Но я считаю, что самая большая доблесть — это честность и нужно честно видеть свои поражения. Тогда, может быть, твой анализ поможет тем, кто идет за тобой, выйти из этой ситуации, переломить эту ситуацию.

М. С.: А читатели «Нашего современника»? Кто они? И много ли среди них молодежи?

А. К.: Мы проводили в начале 90-х социологический опрос. Наш читатель — это мужчина 40 — 50 лет, технар, часто кандидат наук. Я думаю, что он сохранился, хотя он постарел. Сейчас журнал читают те, кто читал его в 80 — 90-е годы. Молодежь мы активно привлекаем. Сейчас приеду и подпишу в печать 10-й номер,

посвященный творчеству молодых. Там много интересных молодых писателей: Платон Беседин, который уже широко известен, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева, замечательный поэт Кристина Кармалита и другие авторы. Так что мы привлекаем молодежь. Смогут ли они стянуть для себя аудиторию и стать лидерами чтения молодых, это другой вопрос. И это не в наших силах. Но то, что можем, мы делаем. Мы напечатали замечательное обсуждение творчества Елены Тулушевой студентами факультета журналистики Кубанского государственного университета. Меня, кстати, поразил серьезный, профессиональный уровень этих рецензий и мы напечатали их в журнале «Наш современник». А всего о Тулушевой вышло уже полтора десятка статей и около сотни упоминаний в прессе. За три года. Великолепный результат!

М. С.: Почему вы поддерживаете Елену Тулушеву? В чем вы видите ценность ее творчества?

А. К.: С Еленой я познакомился в Липках, где три года назад она участвовала в нашем семинаре. Меня поразило, что девушка, учившаяся во Франции, работавшая во Франции и в Соединенных Штатах (то есть сбывлась мечта москвички среднего класса уехать, заработать, начать новую жизнь), вернулась в Россию и работает с самым трудным контингентом: с беспризорниками, с наркоманами, людьми, которые в ответ на заботу плюются, обзываются... Нужно большое мужество и, конечно, равнодушие к человеческой беде. В ее судьбе и в ее рассказах это меня очень привлекло. Привлекло и то, что они жесткие, что там нет сентиментальности, что там нет любования собой. Как правило, молодые входят в произведение и заполняют его собой: поглядите на меня, какой я красивый или какая я красивая. А здесь герой, его проблемы, диалоги — это, кстати, большое умение, даже самые талантливые писатели, как правило, с диалогами не могут совладать. Они описывают: он пошел, он сказал. А живой диалог, реплики, через которые судьба, ситуации высказываются, — большая редкость в литературе.

Но я пропагандирую и отстаиваю не только Тулушеву. Сейчас выходит 10-й номер «Нашего современника», посвященный молодым. Очень трудно издавать такие номера. Сотрудники говорят: «Ну зачем нам молодые, это ведь ничего не даст». А я думаю, что этот номер будет если не событием в литературе (потому что сейчас ничто не может стать событием. Событие требует отклика, эха, а сейчас все резонаторы убраны. Сейчас нет прессы, которая пишет о литературе, нет на телевидении программ, которые говорят о литературе), то он станет событием для самого журнала, который, может быть, впервые так широко привлекает на свои страницы молодых. И, конечно, будет событием для самих авторов.

Увы, молодые не очень-то ценят заботу. Они считают, что так и должно быть. Возможно потому, что они еще не прошли путь жизненный, который предполагает в основном не заботу, а в лучшем случае равнодушие, в худшем — травлю.

Но это уже десятое дело — благодарны они или нет, большие таланты или же в их душе лишь искра таланта. Даже если искра — это душа, раскрытая небу, душа, способная что-то благородное совершить. Поэтому надо сделать все, чтобы дать возможность людям, которым предстоит жить в будущем, свершить что-то, что это будущее украсит и сделает его пригодным для русского человека. ■

(Сентябрь 2016 г., Москва)